

Линь Чэнь: «...»

А не мал ли я купил термос...

Изначально у Линь Чэня на вечер не было сцен, но стоило Фан Линю бросить взгляд на ночное небо, как он тут же решил, что луна сегодня дивная, сияние ее чарующе, и это идеальный момент для натурных съемок. По сюжету главная героиня Линь Сяожань возвращалась на родину спустя три месяца и во дворе видела Юй Цэня, который стоял под луной и ждал ее; между ними завязывался разговор.

В восемь часов вечера гример сделал Линь Чэню прическу и макияж: закрутил кончики его каштановых волос, так что они легли на затылок легкими мягкими волнами, а в нагрудный карман итальянской льняной рубашки аккуратно вложил сложенный платок. Линь Чэнь тихо стоял во дворе, глядя куда-то вдаль и поджидая возвращения Линь Сяожань. Лунный свет падал на его холодное, чистое лицо, и в ту мгновение он казался вовсе не Линь Чэнем, а самым настоящим юным господином из богатой семьи.

Прошло совсем немного времени, калитка во двор отворилась, и вошла Линь Сяожань.

— Сестрица Сяожань, ты вернулась?

Увидев ту, о которой так долго тосковал, Юй Цэнь вмиг сбросил с себя маску холодности, и его глаза тут же изогнулись в улыбке.

Для окружающих Юй Цэнь был избалованным с детства юным господином, чьи манеры неизменно оставались элегантными и безупречными — само воплощение благородства. Однако перед Линь Сяожань он словно сбрасывал эту личную личину, беззастенчиво обнажая свою детскую непосредственность.

Линь Сяожань в этот момент еще не догадывалась о чувствах Юй Цэня и видела в нем лишь милого, послушного младшего брата по соседству. Увидев его по возвращении из-за границы, она искренне обрадовалась:

— Да, я вернулась!

Юй Цэнь с надеждой посмотрел на нее:

— Ты привезла мне подарок?

Линь Сяожань прыснула со смеху:

— Привезла, привезла.

С этими словами она пошарила в сумочке, вытащила маленькую красную коробочку и протянула Юй Цэню:

— Открой, посмотри.

Тот взял ее и нетерпеливо распахнул, после чего бережно извлек на свет мужской браслет, которому в дальнейших сериях суждено было стать его односторонним «талисманом вечной любви».

По мере того как камера приближалась, на мониторе отчетливо проступали удивление, радость и трогательное умиление на лице Линь Чэня, надевшего браслет.

— СТОП!

Фан Линь дал команду, и сцена завершилась идеально.

— Всем спасибо за труд, на сегодня съемки окончены! Расходимся, завтра продолжаем в том же духе.

Линь Чэнь опустил взгляд, ресницы его дрогнули, скрывая эмоции Юй Цэня. Мгновение спустя он взял себя в руки, полностью отделившись от своего персонажа, и, обернувшись, среди полутора десятков сотрудников съемочной группы и актеров заметил высокого мужчину в черной бейсболке.

Почти половина лица незнакомца скрывалась в тени козырька. Когда Линь Чэнь обернулся к нему, тот тоже устремил на него взгляд.

Знакомая фигура, знакомое лицо.

Се Чубо походил на молчаливую и неприступную далёкую снежную вершину: вокруг суетились люди, но казалось, что ничто из этого его не касается. Он неподвижно стоял на месте, и его темный, глубокий взгляд был прикован к Линь Чэню, не смещаясь ни на секунду.

Линь Чэню стало не по себе под этим взглядом. Он уже хотел с неудовольствием отвести глаза, как вдруг неожиданно заметил, что рядом с Се Чубо стоит еще кто-то.

Это был Ци Минцянь.

— Чубо, ты к этому своему коллеге по группе... — Ци Минцянь замялся, не договорив, а выдержав паузу в несколько секунд, продолжил: — Кажется, проявляешь немалый интерес.

На мужчин падал бледный лунный свет, черты лица юноши казались в ночной полумси туманными. Се Чубо смотрел на него, и в уголках его глаз и бровей сквозила мягкость и нежность, однако слова прозвучали холодно и жестко:

— Ты себе нафантазировал. Мы с ним просто коллеги.

Ци Минцянь перевел взгляд на собеседника. Даже произнося эти жесткие слова о том, что они «просто коллеги», Се Чубо продолжал неотрывно следить за Линь Чэнем, находившимся неподалеку.

Ци Минцянь пробормотал себе под нос:

— Неужели?

Словно желая в чем-то убедиться, он поколебался какое-то время, судорожно втянул носом воздух и вдруг поднял руку, делая вид, будто случайно, по старой памяти, опустил ее на плечо Се Чубо.

Сквозь одежду было отчетливо заметно, как мышцы под его ладонью на миг напряглись и окаменели, а в следующий момент до слуха донесся беспощадный ледяной голос:

— Убери руку.

Ночь была темной и глухой.

Но в глазах Ци Минцяня темные, глубокие зрачки Се Чубо, смотревшие на него, казались еще мрачнее и непроницательнее нынешней ночи.

— Ха-ха, по привычке, не обращай внимания.

Ци Минцянь тут же убрал руку, изобразив виноватую улыбку.

Будучи опытным актером, он прекрасно умел управлять своей мимикой и скрывать эмоции. Лицо его осталось привычным — мягким и учтивым, — однако в глубине души за долю секунды бурно разрослись бесчисленные побеги обиды и зависти.

Вечером Се Чубо сам разыскал его и спросил, не свободен ли он прогуляться.

За столько лет знакомства Се Чубо по собственной инициативе делал подобное считанные разы. Ци Минцянь был вне себя от радости: он тут же отменил застолье и помчался к нему со всех ног.

Замаскировавшись, они пару минут побродили по тихим переулкам, разговаривая на ходу — хотя, конечно, большую часть времени говорил Ци Минцянь, а Се Чубо молча слушал.

Сами того не заметив, они вышли к месту натурных съемок. Се Чубо неожиданно остановился и спросил, не здесь ли режиссер Фан снимает ночные сцены.

Ци Минцянь припомнил, что вроде бы действительно было какое-то внеплановое добавление к графику, но имя Линь Чэня он упомянуть намеренно умолчал.

Се Чубо помолчал какое-то время, а затем сам предложил заглянуть туда из любопытства.

Теперь-то, оглядываясь назад, Ци Минцянь понимал: тот вовсе не собирался наблюдать за работой Фан Линя — его влекло к конкретному человеку... Пусть он и упрямился, отказываясь это признать, его взгляд и выражение лица давно выдали его с головой.

Ночная тьма сгущалась. Рабочие съемочной площадки и массовка расходились один за другим. Се Чубо бросил Ци Минцяню короткое «ухожу», надвинул пониже козырек и повернулся, чтобы скрыться в темноте.

Проводив взглядом его фигуру, постепенно растворяющуюся в ночи, Ци Минцянь почувствовал во рту стойкий горький привкус.

К маю у Линь Чэня стало заметно больше сцен, и он начал чаще пересекаться на съемочной площадке с самыми разными людьми.

Днем, едва закончив снимать эпизод с «подставой второго главного героя», Фан Линь по традиции заказал всем послеполуденный чай.

С тех пор как Линь Чэнь однажды просветил съемочную группу о вреде магазинного чая с молоком, обзаводиться личным термосом начали не только Фан Линь с Нин Цинчжи, но и исполнитель роли второго плана Пэй Цюн, второй режиссер, осветители, реквизиторы и многие другие. Всего за несколько дней это переросло в уникальную достопримечательность Хэндяня, которую в шутку стали называть «термосной съемочной группой».

Сегодня у Линь Чэня не было вечерних съемок, поэтому работа завершилась аккурат к закату. Вей Сяолун пригнал машину к площадке.

Линь Чэнь открыл дверь, и на заднем сиденье обнаружился У Юйгуан, сидевший закинув ногу на ногу. Увидев его, он даже улыбнулся, а его отношение по сравнению с прежним изменилось к лучшему — и не на чуть-чуть, а кардинально.

— Сначала садись.

Внезапное появление У Юйгуана слегка удивило Линь Чэня. Подавив это чувство, он уже собирался забраться в салон, как вдруг позади раздался встревоженный окрик:

— Линь, Линь Чэнь! Ты забыл вещь!

Не успел Линь Чэнь обернуться, как сидевший внутри У Юйгуан переменился в лице — словно увидел живого божества. Широко растянув рот в подобострастной, угодливой улыбке, он громко произнес:

— Режиссер Фан!

Фан Линь подбежал к машине легкой трусцой, сжимая в руке большой синий термос.

На приветствие У Юйгуана он ответил лишь легким кивком, после чего протянул термос Линь Чэню и с досадой покачал головой:

— Эх ты, вечно все растеряешь. Как можно было забыть термос? Хорошо еще, я заметил и принес.

Линь Чэнь взял его и улыбнулся:

— Спасибо, режиссер Фан.

Фан Линь хохотнул:

— Ладно-ладно, езжай домой отдыхать пораньше, у меня еще кое-какие дела.

С этими словами он развернулся и ушел, не сказав У Юйгуану дежурных любезностей.

Улыбка на лице проигнорированного У Юйгуана застыла. Впрочем, то, что такая важная персона, как Фан Линь, обошла его вниманием, было еще куда ни шло — положение и статус обязывали, у того имелись все основания для гордости.

Но чтобы режиссер так опекал Линь Чэня и лично тащился сюда с термосом — это уже граничило с мистикой.

Выражение лица У Юйгуана стало сложным.

Когда Фан Линь удалился, Линь Чэнь устроился в машине, поставив термос рядом с собой.

У Юйгуан опустил взгляд на термос, и пару секунд спустя до него дошло: судя по всему, Линь Чэнь прислушался к его советам и сумел заискиванием расположить к себе режиссера Фаня!

Озарившись этой мыслью, У Юйгуан почувствовал, что пелена спала с его глаз, а настроение стало еще лучше прежнего.

Он велел Вей Сяолуну ехать во французский ресторан. Когда машина выехала на дорогу, он повернулся к Линь Чэню:

— Послезавтра утром летим в Цзинчжоу на съемки рекламы, билеты я уже заказал. Завтра я отведу тебя отпроситься у режиссера Фаня.

С этими словами У Юйгуан выудил из портфеля тетрадь и швырнул ее Линь Чэню:

— Вот тут еще проект для развлекательного шоу, посмотри на досуге.

Линь Чэнь полистал страницы. На обложке красовалось бросающееся в глаза название из шести иероглифов: «Смеешь ли ты влюбиться».

Это оказалась полноценная романтическая телепередача!

Линь Чэнь почувствовал, как у него непроизвольно задергалось веко.

За два года работы в шоу-бизнесе он успел принять участие в четырех проектах, и каждый раз его полоскали на все лады: черная дыра в играх, болезненный ванильный мальчик, Линь — ходячий балласт — Чэнь и прочие нелестные прозвища сыпались на него нескончаемым потоком.

И уж тем более — какое шоу? Да еще и романтическое, на которое У Юйгуан не побоялся согласиться!

Неужели он и впрямь не боится, что его затравить до смерти за эфир?

С трудом подавив желание высказать все, что он думает, Линь Чэнь продолжил листать дальше.

Это шоу было главным проектом ТВ Ланьтай в текущем сезоне. Съемки назначались на июнь, в

качестве участников планировалось задействовать четыре пары. Из тех, кого уже утвердили, числились невероятно популярная пара из костюмной дорамы, пара из слухов, чью связь давно обсуждали в сети, но никак не могли подтвердить официально, а также пара из спортивной сферы, пользовавшаяся меньшей известностью.

Последней парой как раз и значился Линь Чэнь.

У Юйгуан был абсолютно уверен, что Линь Чэнь не станет отказываться от шоу, обреченного на взрывную популярность, поэтому заблаговременно вписал его имя в концепт-план. Правда, имя его партнера было заменено на три икс — то ли кандидатуру еще не подобрали до конца, то ли продюсеры намеренно напускали туману.

У Юйгуан загадочно протянул:

— Человека, с которым тебя объединят в пару, ты знаешь.

Линь Чэнь:

— Кто?

У Юйгуан приподнял бровь:

— Скоро узнаешь.

Линь Чэнь не стал допытываться дальше, и вскоре машина подъехала к зданию ресторана.

Менеджер заведения лично провел их в самое уединенное помещение в дальнем углу. Согласно словам У Юйгуана, тот самый таинственный напарник ждал их именно там.

Стоя у входа в отдельный кабинет, Линь Чэнь легко вздохнул, а затем распахнул дверь. И хотя он заранее настраивал себя мысленно, но, увидев человека внутри, все равно замер столбом, словно пораженный молнией, и вытаращил глаза от чистого неверия.

Смеешь ли ты влюбиться?

Да я уже ни в чем не смею!

Сзади раздался приглушенный голос подгоняющего У Юйгуана:

— Чего встал, заходи внутрь.

<http://bllate.org/book/28310/3422069>